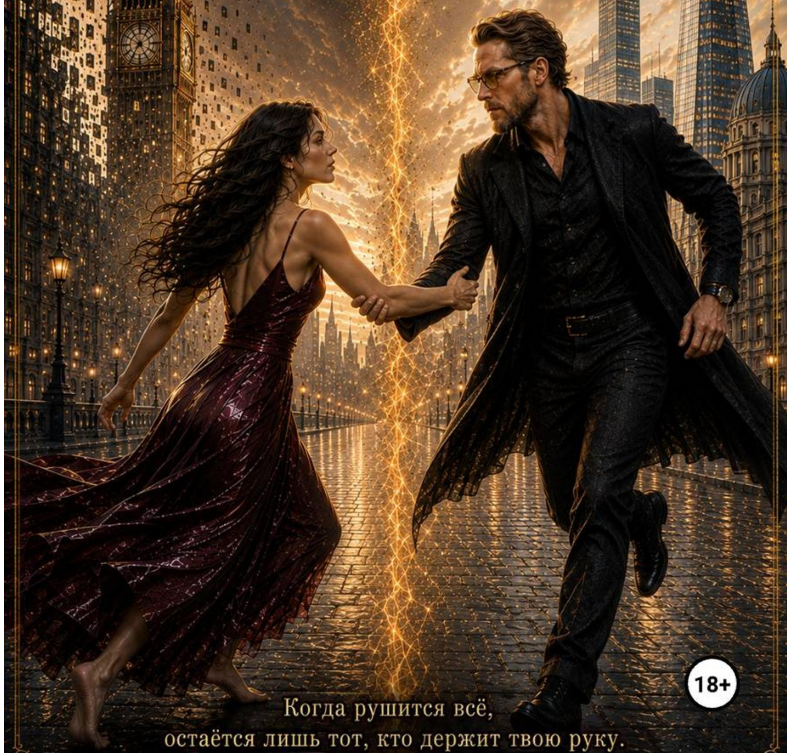

ЛАБИРИНТ

МИРА ВАЙС
— СВЯЗАННЫЕ —

Когда рушится всё,
остаётся лишь тот, кто держит твою руку.

18+

Мира Вайс

Лабиринт. том 2. Связанные

<https://litres.ru/74287218>

SelfPub; 2026

Аннотация

После побега Виллы Рой впервые сталкивается с тем, что не все можно решить силой, деньгами или контролем. Но времени учиться этому почти не остается — война продолжается, старые враги никуда не исчезли, а цена каждой ошибки становится все выше.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мира Вайс

Лабиринт. том

2. Связанные

Глава 1

Вилла стояла на палубе парома, вцепившись побелевшими пальцами в холодные металлические перила. Внизу, под бортом, тяжело ворочалась серая вода реки Мерси. Ветер трепал ее волосы, выбившиеся из-под капюшона, соль оседала на губах. Она смотрела на горизонт, туда, где серое небо сливалось с серой водой в единую бесконечную линию, — и пыталась ни о чем не думать. Паранойя все еще глушила рациональные мысли. Она повторяла про себя, как мантру: «Ты все делаешь правильно. Он бы запер тебя. Он бы забрал ребенка. Он опасен. Ты защищаешь себя. Ты защищаешь своего ребенка». Но под этой мантрой, глубоко внутри, что-то тоскливо ныло. Что-то, что отказывалось верить в ее собственные страхи.

Она закрыла глаза. Вдохнула соленый ветер. И перед внутренним взором тут же возникло его лицо. Не то, каким она видела его вчера, каменное, с ледяной сталью в голосе. Другое. То, как он смотрел на нее по утрам, когда думал, что она

спит. То, как он привозил соленые огурцы в три часа ночи и молча ставил банку на тумбочку. То, как его большая ладонь ложилась на ее живот, осторожно, почти благоговейно. То, как уголок его губ дергался вверх, когда она обещала его прикончить. В груди сжалось, тоскливо, больно, невыносимо. Она уже скучала по нему. Скучала так, что дышать было трудно. Скучала по его молчанию, по его теплу, по тому, как он поправлял очки, когда не знал, что сказать. По тому, как Царица мурчала у него на коленях. По тому, как мир становился ровным, когда он был рядом.

По щеке скатилась слеза. Она не вытирала ее. Ветер сам осушил. Она все еще была уверена, что поступает правильно. Должна быть уверена. Иначе весь этот побег, эта ночь без сна, этот билет в один конец, все это было зря. А она не могла позволить себе думать, что все зря. И даже то, что когда она уже сидела в автобусе, прижимая к себе переноску, услышала: «Мисс Ашер?» Вздогнула, обернулась: мужчина в форме наклонился к ней. На мгновение ей показалось, что это полицейский, что Рой уже нашел ее, что она никогда не сможет уйти и быть в безопасности. Но в следующее мгновение, что форма его была не полицейской, обычной, вокзальной. Он протягивал ее паспорт. «Вы забыли на кассе». Она взяла, пробормотала спасибо. Он ушел. Автобус тронулся. А она еще долго не могла унять сердце и этот ужас испытанный за какую-то секунду, еще больше погружал в уверенность, что Рой Кейн самый опасный для нее человек. Убеждение,

которое стоило бы ей рассмотреть с ясной головой и она бы усомнилась. И этого было бы достаточно, чтобы не бросаться в бегство без плана, с маленькой сумкой, бросив всю свою жизнь которую она построила до появления Роя.

Рядом кто-то встал. Она слышала шаги, тяжелые, уверенные, но не открывала глаза. Если она откроет глаза, его образ исчезнет. А она еще не до конца простилась с ним. Еще не сказала ему всего, что хотела сказать. Шаги стихли. Человек остановился совсем близко, она чувствовала тепло его тела, даже не касаясь. И запах. Шерсть. Мыло. Что-то еще, то самое, что она узнала бы из тысячи.

Ее глаза распахнулись. Рой стоял рядом, опираясь руками о перила, и смотрел на горизонт. На нем было темное пальто, шарф, очки на месте. Ветер трепал его волосы, серебрил проседь на висках. Он выглядел так, будто просто вышел на утреннюю прогулку. Не как человек, который только что пересек полстраны, чтобы найти ее. Она инстинктивно схватилась за живот, защищая, и хотела отшатнуться. Но ноги приросли к палубе. Она стояла и смотрела на него в ужасе.

Он не поворачивался. Просто стоял и смотрел на серую воду.

— Ты оставила свою зарядку, — сказал он наконец. Голос был ровным, спокойным. — И чай с мятой. И Царица, наверное, не в восторге от переноски. Она не любит замкнутые пространства.

Вилла молчала. Ее сердце колотилось где-то в горле. Она

хотела закричать, хотела бежать, хотела... Она не знала, чего хотела. Он наконец повернул голову и посмотрел на нее. Без осуждения. Без гнева. Просто смотрел.

— Ты не умеешь исчезать, — сказал он. — Билеты куплены на свое имя. Такси вызвано с твоего телефона. Маршрут, Ливерпуль, паром. Найти тебя было несложно.

Она сглотнула. В горле пересохло.

— Ты приехал, чтобы вернуть меня, — сказала она. Голос прозвучал хрипло, сломанно. — Чтобы запереть. Чтобы...

— Я приехал, потому что ты забыла кое-что важное.

Он сунул руку в карман пальто и достал маленькую коробочку. Не бархатную, простую, деревянную. Открыл. Внутри на темной подкладке лежала ее лунница. Та самая, материнская, которую она носила не снимая. Она даже не заметила, что та осталась на тумбочке в его доме, видимо, сняла перед душем и забыла надеть.

Она смотрела на кулон, и ее глаза наполнились слезами.

— Ты не можешь без нее, — сказал он. — Ты говорила, что это единственное, что осталось от матери. Я подумал, ты захочешь ее вернуть.

Она протянула дрожащую руку. Он вложил лунницу в ее ладонь. Их пальцы соприкоснулись. Тепло. Его тепло. Она сжала кулон в кулаке и прижала к груди.

А потом он сделал шаг назад. Один. Всего один. Но она поняла.

— Ты приехал, чтобы вернуть мне это? — прошептала

она.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел на серую воду.

— Я не буду тебя запереть, — сказал он. Голос был все таким же ровным, но она слышала в нем что-то еще. Что-то, что он прятал глубоко. — Я не буду забирать ребенка. Я не буду делать ничего из того, что ты себе напридумывала. Ты можешь плыть в Ирландию. Можешь плыть куда угодно. Я не стану тебя держать. Но я хочу, чтобы ты знала: там, куда ты поплывешь, меня не будет. И если ты решишь, что так лучше, я приму это. Я не буду преследовать тебя. Не буду искать. Ты сказала, что я тебя душу. Я не хочу душить. Я хочу... — Он запнулся. — Я хочу, чтобы ты была в безопасности. И если для этого тебе нужно быть без меня, пусть так.

Ветер выл между ними. Чайки кричали над головой. Паром качало на волнах. А она стояла, прижимая к груди лунницу, и чувствовала, как внутри что-то рушится. Не страх. Не паранойя. Что-то другое. Стена, которую она выстроила за эту ночь, чтобы убедить себя, что он враг. Он не был врагом. Он никогда не был врагом. Он был человеком, который приехал через полстраны, чтобы вернуть ей материнский кулон.

— Ты идиот, — прошептала она.

— Знаю.

— Ты мог бы просто забрать меня. Заставить.

— Я не хочу заставлять. Я хочу, чтобы ты сама. Или никак.

Она смотрела на него. Слезы текли по щекам, смешиваясь с солью ветра. Она не вытирала их. Просто смотрела.

— Я боюсь, — сказала она. — Я боюсь, что ты однажды уйдешь. Что я стану неудобной. Слишком сложной. Что ты поймешь, что я не стою всего этого.

— Ты стоишь всего, — сказал он. Без пафоса. Без нежности. Как констатируют факт. — Ты стоишь больше, чем все, что у меня есть. Я не уйду. Даже если ты будешь кричать, что я никто. Даже если ты будешь убегать на край света. Я буду ждать. Потому что ты, единственное, что имеет значение.

Она всхлипнула. Сделала шаг к нему. Еще один. Он не двигался, позволяя ей сократить расстояние самой. Она уткнулась лбом в его грудь, вцепилась пальцами в лацканы его пальто.

— Я хочу домой, — прошептала она. — К тебе. Я хочу к тебе.

Он медленно, очень осторожно обнял ее. Она почувствовала, как его руки смыкаются на ее спине, крепко, надежно. Он уткнулся подбородком в ее макушку. Молчал.

Ветер выл между ними. Чайки кричали над головой. Паром качало на волнах.

— Тогда поехали домой, — сказал он.

Они стояли на палубе парома, который вез их в Ирландию, и обнимались под серым небом, под крики чаек, под соленый ветер. А потом, когда паром причалил в ближайшем порту, они сошли на берег и купили билеты обратно до Лон-

дона.

Обратная дорога прошла в тишине. Не в той напряженной, что висела между ними последние недели, а в другой, усталой, выдохшейся, почти мирной. Вилла сидела, откинув голову на подголовник, и смотрела на проплывающие за стеклом поля. Царица, выпущенная из переноски, спала у нее на коленях, свернувшись клубком. Рой вёл машину молча, одной рукой держа руль, другой накрыв её ладонь, лежащую на колене. Большим пальцем он медленно поглаживал её костяшки. Она не знала, что будет дальше. Знала только, что едет домой. И что он рядом.

Где-то на середине пути он заговорил. Негромко, глядя на дорогу.

— Я думал, что еду за тобой, чтобы вернуть. А потом понял, что еду совсем за другим.

Она ждала.

— Полдороги я придумывал, что скажу. Как объясню. Как заставлю тебя вернуться. — Он усмехнулся без радости. — А потом перестал.

— Почему?

— Потому что впервые допустил мысль, что ты можешь не захотеть.

Она замерла.

— И что тогда?

— Тогда... я бы отпустил.

— Правда? — тихо спросила она.

Он кивнул.

— Не потому что мне всё равно. Наоборот. Потому что понял одну вещь. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Даже если это будет без меня. И если единственный способ твоего счастья — отпустить... значит, я бы отпустил.

Она смотрела на него. На его профиль, на проседь в бороде, на руки, сжимающие руль. Он не смотрел на нее — смотрел на дорогу. Но она чувствовала: каждое слово — правда. Он действительно был готов.

Она сжала его руку крепче.

— Я не хочу без тебя, — сказала она тихо. — Я хочу с тобой. Просто... я боюсь. Боюсь, что ты однажды станешь тем, кого я придумала в своем страхе. Что ты запрёшь меня. Что я исчезну.

— Я не стану. Я не знаю, как доказать это словами. Но я не стану.

— Я знаю, — она прикрыла глаза. — Теперь знаю.

Остаток пути они проехали молча. Но это молчание было другим — не напряженным, не усталым. Спокойным. Как будто что-то между ними наконец встало на место.

В Лондон они прибыли поздно вечером. Он отвез ее к себе, она не спорила. В его доме было тихо, тепло, пахло деревом и им. Она сняла пальто, прошла в гостиную, опустилась на диван. Царица тут же исследовала новое пространство, нашла кресло у камина и с царственным видом улеглась там.

Рой принес чай, с мятой для нее, черный для себя. Сел рядом. Они пили молча.

— Я не знаю, что со мной происходит, — сказала она наконец, глядя в свою кружку. — Я как будто не в себе. Я вижу опасность там, где ее нет. Я придумываю сценарии один страшнее другого. Я кричу на тебя, а потом ненавижу себя за это. Я не хочу быть такой. Но я не могу остановиться.

— Это гормоны, — сказал он.

— Я знаю. Но от этого не легче. Я причиняю тебе боль. Я вижу это. И продолжаю. Как будто какая-то часть меня хочет, чтобы ты ушел. Чтобы доказать себе, что я была права, ты уйдешь, все уходит, никому нельзя верить. А другая часть цепляется за тебя и боится отпустить хоть на секунду.

Он поставил кружку, повернулся к ней.

— Я не уйду. Сколько бы ты ни кричала. Сколько бы ни убегала. Я буду здесь. Это не изменится.

— Почему? — она подняла на него глаза. — Почему ты терпишь это? Я бы себя уже убила.

Он помолчал, подбирая слова.

— Потому что ты, это ты. Не та, что кричит и убегает. А та, что ждала меня в темноте с раной в боку. Та, что обещала прикончить, если я не вернусь. Та, что носит моего ребенка. Та, что смотрит на меня так, будто я имею значение. Я не знаю, как это называется. Но я знаю, что без тебя мир становится серым. А с тобой, даже когда ты кричишь, даже когда убегаешь, он цветной.

Она смотрела на него. Ее глаза блестели.

— Ты сейчас сказал больше слов, чем за все время, что мы знакомы.

— Пришлось. Ты не понимаешь по-другому.

Она фыркнула — почти смех.

— Я понимаю. Просто мне нужно, чтобы ты говорил. Чтобы я слышала. Потому что когда ты молчишь, я додумываю. А додумываю я обычно самое страшное.

— Я буду говорить. Даже если это трудно.

— Хорошо.

Она допила чай, отставила кружку, подвинулась ближе, положила голову ему на плечо.

— Я устала, Рой. Очень устала. От себя. От этого всего. Я хочу просто быть. С тобой. Без войны.

— Будет. Война закончилась.

— Ты так уверен?

— Я не уверен. Я просто решил.

Она закрыла глаза. Его рука легла на ее живот — привычным, собственническим жестом. Она накрыла его ладонь своей.

— Я люблю тебя, — сказала она тихо. — Я не говорила этого раньше. Боялась. Но это так. Я люблю тебя, Рой Кейн. Даже когда ты меня бесишь. Даже когда я кричу, что ты никто. Ты для меня — все.

Он молчал. Она чувствовала, как бьется его сердце — ровно, сильно. Потом он повернул голову, поцеловал ее в

макушку.

— Я тоже тебя люблю, — сказал он. — Давно. Просто не знал, как сказать.

Она улыбнулась, не открывая глаз.

— Ты сказал. Только что. Это считается.

Царица, наблюдавшая за ними из кресла, медленно моргнула и, кажется, одобрительно муркнула.

Она проснулась от того, что солнце било прямо в лицо. В его спальне не было плотных штор — только легкие, пропускающие свет. Она зажмурилась, перевернулась на другой бок и уткнулась носом в его плечо. Он уже не спал — лежал, глядя в потолок, но не двигался, чтобы не разбудить ее.

— Давно проснулся? — спросила она хрипло.

— Час назад.

— И просто лежал?

— Да.

— Почему не встал?

— Не хотел тебя будить. Ты редко спишь спокойно. Сегодня спала.

Она помолчала, переваривая. Он заметил. Он всегда все замечал. Просто не говорил.

— Мне нужно встать, — сказала она, но не двинулась.

— Вставай.

— Не могу. Ты теплый.

Он хмыкнул. Она чувствовала, как его грудная клетка

поднимается и опускается под ее щекой. Ровно. Спокойно. Она могла бы лежать так вечно. Но мочевого пузыря напоминать о себе, а ребенок внутри, кажется, решил, что пора делать утреннюю гимнастику.

Она села, поморщилась, прижала ладонь к животу.

— Шевелится, — сказала она. — Сильно. Как будто тренируется в футбол.

Он сел рядом, положил свою ладонь поверх ее. Замер. Через несколько секунд она почувствовала легкий толчок изнутри — и он почувствовал тоже. Его лицо не изменилось, но она видела, как что-то дрогнуло в его глазах.

— Это он, — сказал он.

— Или она. Я не знаю еще. Не хотела узнавать без тебя.

Он посмотрел на нее.

— Хочешь узнать?

— Да. Но только вместе.

— Когда?

— Завтра. У меня запись к врачу. Пойдешь со мной?

— Да.

Она встала, накинула его рубашку и пошла в ванную. Когда она вышла, его уже не было в спальне. Она спустилась вниз и нашла его на кухне. Он стоял у стойки, наливал кофе в одну кружку и заваривал чай с мятой в другой. Царица сидела на подоконнике и наблюдала за ним с видом инспектора.

Вилла села за стол, обхватила кружку ладонями, сделала глоток.

— Мне нужно съездить к себе, — сказала она. — Забрать вещи. Царице нужен ее лоток, ее корм, ее лежанка.

Он посмотрел на нее.

— Ты останешься здесь?

— А ты хочешь?

— Да.

— Тогда я останусь. Но с условием.

— Каким?

— Ты не будешь ходить вокруг меня на цыпочках. Я беременна, а не инвалид. Если я захочу соленых огурцов в три ночи, я сама встану и возьму. Если мне нужна помощь, я попрошу. Но ты не будешь решать за меня, что мне можно, а что нельзя.

— Принято.

— И еще. — Она посмотрела на него, и в ее глазах мелькнула та самая усмешка. — Кровать у тебя удобная, но подушки жесткие. Я привезу свои.

— Привози.

— И Царица спит с нами. Она привыкла.

— Я знаю. Она уже заняла мое кресло в гостиной. Видел, как она на него смотрит.

Вилла фыркнула.

— Она быстро осваивается.

— Как и ее хозяйка.

Она покачала головой, но ничего не ответила.

Через два часа они уже были в ее квартире в Блумсбери.

Вилла ходила по комнатам, собирая вещи. Рой молча складывал все в коробки. Царица сидела на подоконнике и наблюдала за процессом с царственным спокойствием — ее лежанка и лоток уже были упакованы, и она, кажется, одобряла переезд.

Вилла остановилась у книжного шкафа, провела пальцами по корешкам. Взяла одну — старую, в потрепанной обложке.

— Это моя первая. Мать подарила. «Грозовой перевал». Я читала ее под одеялом с фонариком. Она единственная, что осталась от нее, кроме лунницы.

Он подошел, встал рядом.

— Возьмешь с собой?

— Да. И еще несколько. Остальные пока здесь.

Она положила книгу в коробку, закрыла глаза. Вдохнула запах старой бумаги и пыли.

— Я готова.

Он взял коробки, она взяла переноску с кошкой. Они спустились, загрузили все в машину. Она села на пассажирское сиденье, пристегнулась.

— Поехали домой.

Он завел двигатель. Лондон проплывал за окном — серый, шумный, родной. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то расправляется. Не счастье — до счастья было еще далеко. Но что-то похожее на покой. На правильность. На то, что она там, где должна быть.

Вечером они сидели на диване в его гостиной. Царица устроилась на спинке, свесив лапу. Вилла положила ноги ему на колени, он машинально начал массировать ее ступни — она не просила, он просто сделал.

— Ты боишься? — спросила она.

— Чего?

— Всего этого. Ребенка. Меня. Нас.

Он помолчал.

— Боюсь. Но это не меняет того, что я буду делать.

— А что ты будешь делать?

— Быть рядом. Учиться. Ошибаться. Снова учиться. Защищать. Все, что нужно.

Она посмотрела на него. Он смотрел на ее ступни в своих руках.

— Ты справишься. Мы справимся. Мы оба не умеем в отношении. Значит, будем учиться вместе.

— Как всегда.

Она закрыла глаза. Его руки были теплыми, сильными. Ребенок внутри снова зашевелился — мягко, почти нежно. Царица мурчала. За окном шел дождь. И впервые за долгое время Вилла Ашер почувствовала, что она дома.

Позже, когда она уже почти засыпала в спальне, он сказал:

— В кабинете есть сейф. За книгами. Код — восемь-один-один-девять.

Она открыла глаза.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты теперь здесь живешь. — Пауза. — Там документы. Деньги на случай если нужно срочно уехать. И пистолет.

Она смотрела на него в темноте.

— Ты даешь мне код от сейфа с оружием.

— Я даю тебе возможность защитить себя и ребенка, если меня не будет рядом. — Он помолчал. — Запомнишь?

— Восемь-один-один-девять.

— Да.

Она закрыла глаза. Он снова молчал — тем самым молчанием, которое она научилась читать. Это было не просто молчание. Это было «ты важна». Просто он не умел говорить это иначе.

— Я боюсь, — наконец сказала она в темноту.

— Чего?

— Что я стану как мама. Что растворюсь в тебе. Что перестану быть собой. Что ты однажды уйдешь, а я останусь с пустыми руками и привычкой ждать.

Он повернулся к ней.

— Я не уйду.

— Ты не можешь этого знать.

— Могу. Я никогда не уходил от того, что важно. А ты, важна.

— Это сейчас.

Он помолчал.

— Моя мать тоже боялась. Всю жизнь. Сначала отца, по-

том отчима, потом всех остальных. Она умерла от страха. Не от болезни. Просто однажды перестала хотеть жить.

Вилла замерла.

— Я не хочу, чтобы ты боялась. Я хочу, чтобы ты жила. Рядом со мной или без меня, это твой выбор. Но если ты выберешь меня, я сделаю все, чтобы тебе не пришлось ждать.

Она молчала долго.

— Ты странный, Кейн.

— Ты говорила.

Она усмехнулась, придвинулась ближе. Он обнял ее.

— Я попробую, — сказала она. — Не обещаю, что получится. Но попробую.

Тишина была наполнена ими. Казалось между ними наконец наступил мир.

Кэт пришла без предупреждения — как всегда. Рой был в кабинете, разбирал бумаги. Она положила перед ним тонкую папку.

— Твой соперник, — сказала она. — Доминик Блэквуд.

Рой открыл папку. Пробежал глазами. Счета. Фонды. Связь с Морганом — не прямая, но достаточная.

— Он знает? — спросил Рой.

— Вероятно, нет. Он просто пользуется семейными деньгами. Но Тэдди знает о нем. И о том, что Блэквуд очарован твоей женщиной. Тэдди видит в этом рычаг.

Рой закрыл папку.

— Ясно.

— Ты ей скажешь?

Молчание.

— Рой. Ты ей скажешь?

— Нет.

Кэт смотрела на него. Он смотрел в стол.

— Она имеет право знать, — сказала Кэт.

— Она только вернулась. Она была на грани. Ты хочешь, чтобы я сейчас добавил ей еще и это?

— Я хочу, чтобы ты не решал за нее.

Рой поднял голову. Посмотрел на Кэт. Что-то в ее голосе было не просто рабочим несогласием. Что-то личное. Он знал этот тон. Он слышал его раньше.

— Ты про Блэквуда или про себя? — спросил он.

Кэт не ответила. Секунду смотрела на него, потом отвела взгляд.

— Я просто говорю, что правда лучше, чем молчание. По опыту.

Он понял. Отец. Она говорила про отца.

— Кэт...

— Не надо. — Она встала. — Ты мой босс. Ты принял решение. Я его исполню.

Она вышла. Дверь закрылась тихо — она никогда не хлопала дверями. Рой остался в кабинете. Папка лежала на столе. Он открыл ящик, убрал ее туда. Запер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.